

*Дүйшөөв Э.К., Воденко К.В.*ЗАМАНБАП ШАРТТАРДА ЕВРАЗИЯ ДОЛБООРУН ИШКЕ АШЫРУУНУН
СОЦИАЛДЫК-МАДАНИЙ МААНИЛЕРИ*Дүйшөөв Э.К., Воденко К.В.*СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО
ПРОЕКТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ*E. Duishoev, K. Vodenko*SOCIO-CULTURAL MEANINGS OF THE IMPLEMENTATION OF THE
EURASIAN PROJECT IN MODERN CONDITIONS

УДК: 321

Макалада Евразия долбоорунун Заманбап саясий жана социалдык-экономикалык шарттардагы социалдык-маданий маанилери каралат. Евразия мейкиндигинин динамикасына маданияттын таасир этүү фактысынын үч компонентин аныктоо максатка ылайыктуу экендиги белгиленет, анткени Евразия көрүнүктүү коомдук векторго ээ боло элек. Маданияттын тарыхый динамикада талдоо менен эки учурда Евразия мейкиндигинин интеграциясынын өзгөчөлүгү аныкталды: биринчиден, мамлекет тарабынан маданий теңчилик принцибин колдоо жана ишке ашыруу зарылчылыгында; экинчиден, советтик тажрыйбаны кабыл албаган жарандык изгиликтер буга канчалык каршы болбосун, өз кезегинде маданий мураска таянган жана ойлоп табылган же жайылтылып жаткан салт боло албаган жарандарды тарбиялоо; үчүнчүдөн, Евразиялык долбоор, мамлекеттердин жана элдердин мурдагы бирикмелеринин тажрыйбасы көрсөткөндөй, мамлекеттердин деңгээлиндеги кызматташтык маданий жана гуманитардык байланыштар чөйрөсүнө өткөн, интеграция процесси коомдук уюмдардын, жааштардын, интеллигенциянын иши болуп калган, саясий элиталар Евразиянын ченемдерин жана баалуулуктарын бөлүшкөн шартта конкреттүү мазмунга толот.

Негизги сөздөр: маданий суверенитет, Евразиялык долбоор, Евразиялык мейкиндик, маданий интеграция, салттуулук, Евразиялык цивилизация.

В статье рассматриваются социокультурные смыслы евразийского проекта в современных политических и социально-экономических условиях. Отмечается, что целесообразно выявить три составляющих факта влияния культуры на динамику евразийского пространства, поскольку евразийство не приобрело выраженного публичного вектора. Анализируя культуру в исторической динамике выявлена особенность интеграции евразийского пространства в двух моментах: во-первых, в необходимости поддерживать и реализовать принцип культурного равенства со стороны государства; во-вторых, воспитывать граждан, как бы ни противились этому не принимающие советский опыт гражданские добродетели, которые в свою очередь опираются на культурное наследие и не могут быть изобретенной или внедряемой традицией; в-третьих, евразийский проект, как показывает опыт предшествующих объединений государств и народов, наполняется конкретным содержанием при условии, что сотрудничество на уровне государств переходит в сферу культурных и гуманитарных контактов, что процесс интеграции становится делом общественных организаций, молодежи, интеллигенции, что политические элиты разделяют нормы и ценности евразийства.

Ключевые слова: культурный суверенитет, евразийский проект, евразийское пространство, культурная интеграция, традиционализм, евразийство, евразийская цивилизация.

The article examines the socio-cultural meanings of the Eurasian

project in modern political and socio-economic conditions. It is noted that it is advisable to identify three constituent facts of the influence of culture on the dynamics of the Eurasian space, since Eurasianism has not acquired a pronounced public vector. Analyzing culture in historical dynamics, the peculiarity of the integration of the Eurasian space is revealed in two points: firstly, in the need to support and implement the principle of cultural equality on the part of the state; secondly, to educate citizens, no matter how opposed to this civil virtues that do not accept the Soviet experience, which in turn rely on cultural heritage and cannot to be an invented or implemented tradition; Thirdly, the Eurasian project, as the experience of previous associations of states and peoples shows, is filled with concrete content, provided that cooperation at the state level passes into the sphere of cultural and humanitarian contacts, that the integration process becomes a matter for public organizations, youth, intellectuals, that political elites share the norms and values of Eurasianism.

Key words: cultural sovereignty, Eurasian project, Eurasian space, cultural integration, traditionalism, Eurasians, Eurasian civilization.

В историческом контексте в кыргызском обществе культурная традиция произрастала из патриархальности и солидарности. Также в Российской Империи кыргызы обладали культурным суверенитетом, если и исходили угрозы, то только от попыток ассимиляции со стороны Китая. На наш взгляд, современная история Кыргызской Республики является преемственностью времен, общей судьбы с Россией. Это положение подтверждается совокупностью политических и социально-экономических обстоятельств, соображениями национальной безопасности и политической стабильности, концентрируя традицию как способ передачи опыта признания поколений кыргызского народа для национального самосохранения и развития.

В труде историка Дж. Хоскинга «Россия: народ и империя» [11] отмечается, что процесс вхождения в Российскую Империю народов как подданных страдал бюрократическим беззаконием и капиталистической эксплуатацией. Историк обращает внимание на сложные отношения России с национальными окраинами Польши и Финляндии, государств, которые обрели независимость в ходе революции и гражданской войны. Но для нас практический интерес представляют государства евразийского пространства, где движение национальной независимости основывалось и

основывается на традиции, преемственности сложившихся культурно-исторических форм. Кыргызская Республика, формируя демократические институты и являясь в этом отношении лидером на региональном уровне, сохранила связь времен и в контексте развития культуры политического общения, и в том, что, несмотря на эксцессы «тюльпанной революции», в обществе восторжествовал настрой на нахождение приемлемого мира, необходимого для народа Кыргызстана.

В этом контексте есть целесообразность выявить три составляющих факта влияния культуры на динамику евразийского пространства, так как евразийский проект до сих пор не обрел выраженного публичного вектора, и ссылки в основном делаются на политическую и экономическую целесообразность. Для развития евразийских отношений режим культурного обмена и кооперации является успешным при формировании культурной инфраструктуры государств-участниц, с одной стороны, с другой стороны, выход в публичное пространство действующих субъектов культуры (художественная интеллигенция работников сферы образования и науки, представители молодежных субкультур).

Культурное строительство проявляется в том, что для молодого государства так и не сформировалась объединительная идеология. Достижение национального суверенитета, признание независимости страны не означает завершение государственного строительства. Культура как организующая и структурирующая сила кыргызского общества затрагивает совокупность сложных вопросов, определяемых формированием кыргызской идентичности. Практические попытки этнизировать культуру не имели реальных достижений и привели к оживлению предрассудков и предубеждений, накопленных и в прошлую эпоху, и в конфликтах современности. Можно диагностировать, что культура вне политической разумности трансформируется в культурные притязания, становится орудием узких этнонациональных интересов или эксплуатируется отдельными меньшинствами.

О данном явлении писала видный исследователь культуры С. Бенхабиб [2]. Соглашаясь с автором, что этноцентризм противоречит универсализму культурных оснований, имеющих соответствие с демократическими институтами, мы также обязаны говорить о влиянии глобализации и либерализации на культурные процессы в обществе, на то, что в условиях культурных претензий трудно ожидать достижения культурного консенсуса, определения границ влияния культур, и, следовательно, эгалитарной взаимности. Именно поэтому ключевые положения кыргызской демократии связаны с определением культуры как публичной сферы гражданского общества.

Отсюда требуется понимание сценария умерен-

ного традиционализма, так как современный мир не является эпохой постиндустриальной практики и теории для стран-участников евразийского проекта. Пора отказаться от идеи догоняющей модернизации, в том числе и в сфере культуры, так как принятие концепции культурной глобализации создает условия деления на государства современности и государства арахии. По логике постиндустриалистов, евразийский проект находится на культурной периферии, так как не определяется постматериалистическими ценностями [9]. Ясно, что проект постиндустриализма, связанный с неоглобализмом, не может реализоваться в евразийском пространстве. Здесь мощным фактором доказательства является прогресс Китая и Индии, традиционных обществ, успешно сочетающих традиционные ценности и технологический модерн. Тем не менее нельзя копировать опыт успешных государств, если признавать, что евразийство как вектор развития нуждается в осмыслении ценностей совместного прошлого и совместного будущего народов Евразии. Если полагаться на то, что будут усвоены правила и уроки великих цивилизаций Востока, можно впасть в политическую и культурную утопию, затратить усилия на создание новых мифов.

Поэтому реальным фактором культуры, влияющим на интеграцию в евразийском пространстве, можно считать язык взаимного понимания, выработанный народами Евразии в прошлом, настоящем и будущем. Действительно, между ними, несмотря на конфликты этнического и конфессионального характера, не возникло культурно-цивилизационных противоречий. Кыргызский народ в своей истории прошел трудный путь формирования нации, языка и культуры, но примечательный факт состоит в том, что это происходило в контакте с другими народами России, что в развитии кыргызской государственности ее политико-правовое оформление опиралось на модель культурно-цивилизационной общности. Характерно, что гарантией развития культуры было отделение от принципа теократии, ее обмирщения, утверждения гражданско-правового способа в противовес мифологической персонификации власти и кланов [1]. Именно реализация принципа: «что в мире существует – имеет право на существование» сделала возможным отстаивание сложившихся жизненных укладов. Как свидетельствует опыт мирного развития кыргызского общества, ему удалось избежать длительных гражданских конфликтов (классический пример – Таджикистан и Узбекистан) благодаря культуре терпимости, усвоенной в историческом проживании с другими народами России.

Таким образом, культура выявила особенность интеграции евразийского пространства в двух моментах: во-первых, в необходимости поддерживать и реализовать принцип культурного равенства со стороны

государства, во-вторых, воспитывать граждан, как бы ни противились этому не принимающие советский опыт гражданские добродетели, которые в свою очередь опираются на культурное наследие и не могут быть изобретенной или внедряемой традицией. На наш взгляд, евразийский проект обнаруживает дефицит средств культурного регулирования, что объяснимо в процессе налаживания политических и экономических контактов.

Слабость или замедление темпов евразийской интеграции выступает в качестве изъянов культурной сферы, связанной с культурными и социальными правами граждан на основе формулы «единый кыргызский народ». Здесь важно подчеркнуть, что в Кыргызской Республике, учитывая отсутствие центров репутации традиционной культуры (как Бухара в Средней Азии [3]) и возникновение городов как административных центров в период Российской колонизации, в начальный период независимости господствовало желание коренизировать города, что привело бы к утверждению статусной кыргызской нации.

Логика позиции российских философов по отношению к евразийству была направлена на отстаивание идеи евразийской цивилизации, понятия более объемного и осмысленного, чем противопоставление России и Европы. Утверждая значимость православной культуры в качестве апологии традиционности, русские философы в конечном счете отреклись от боязни прослыть азиатской державой [11]. Это сделало возможным мессианскую геополитику, которая имела амплитуду колебаний между славнофильством и евразийством, но по признанию русских философов [8] в конечном счете была переориентирована на евразийский вектор. Идея славнофильства утратила смысл в канун грядущих событий Первой мировой войны, и главное – были потеряны иллюзии о духовном единстве «разделенного» славянства.

Норвежский исследователь И.Нойманн [10] в замечательном эссе «Использование “Другого”» подчеркивает, что в контексте русского «Другого» целью Европы являлось стремление «быть Европой», и со времен Наполеона обосновывалась альтернатива «Европа казацкая» либо «Европа либеральная». Иными словами, славянство рассматривалось как попытка России создать Империю и тем самым втянуть Европу в зависимость от царского самодержавия.

В этом контексте примечательно суждение старейшего европейца С. Караганова [7] основные изъяны российской политики состояли в том, что мы до сих пор не являемся евразийцами, мы мыслим и воспринимаем мир в категориях убогого евроцентризма, аргументы в пользу того, что Россия со времен Петра I приняла европейский путь развития, не являются верными.

Мысли Н.Я. Данилевского [4] о том, что Россия не только по политическому соображению, но и в сфе-

ре культуры – евразийская держава, подтверждается и наследием «чингизидов», а это имеет значение для евразийского проекта в культурной схеме «цивилизационного созвездия» народов России и Азии. При этом русские не должны стать народом Востока и пытаться уподобиться индийцам или китайцам, что не отменяет императива понимать психологию и культуру Востока, вникнуть в современные тенденции не-европейского мира и в работе по развитию евразийского проекта создавать условия для дальнейшего сближения и кооперации с этим делом.

Действует концепция инструментального разума, того, что российский философ В.В. Ильин [5] определяет, как сведение теории и практики к конструированию бытия по проекту социоморфизма. Речь идет о конструировании органической общественной системы, в которой технологический потенциал живой природы (Кыргызская Республика является ярким примером данного состояния с ее неповторимыми природными ландшафтами и сохранением экологических традиций) конвертируется в актуальную культуросозидающую схему, ценности и нормы умеренности и бережливости. Так как кыргызский народ жил природными ритмами, характеризовал природу как мать и чтит обычаи и традиции предков, вероятно, применение схем инструментального разума, описанного В.В. Ильиным, позволяет думать о месте Кыргызской Республики в культурной сфере евразийского проекта как опоре традиционности, общества с повышенными запросами на культурно-экологическую составляющую, что в свою очередь позволяет избавиться от европейского техноморфизма.

Данное положение важно для понимания культурной интеграции в евразийском пространстве как самостоятельной составляющей исследуемого процесса. Очевидно, что роль кыргызской интеллигенции заключается в повороте кыргызский элит к их роли в сфере культуры, переводе языка политических разногласий и противоречий в язык диалога культур [6].

Для Кыргызской Республики, многонациональной, поликультурной страны, как и для России, важно определиться с политикой экспансии евразийского проекта, принятия новых государств в рамках действующих структур (БРИКС, ОДКБ, Шанхайское сотрудничество). Очевидно также, делая выводы о путях и способах культурной интеграции, мы, во-первых, исходим из системности преобразования евразийского пространства во всех сферах жизни, во-вторых, признавая диалектику особенного и общего, цивилизационного единства и принятия уникального культурного наследия, осознаем движение к становлению «ментальной» революции, формированию евразийского культурного стиля как не менее важную задачу по сравнению с политико-правовым и экономическим аспектами.

Литература:

1. Ашкеров А. По справедливости: эссе о партийности бытия. - М.: Европа, 2008. 248.
2. Бенхабиб С. Притязание культуры. - М.: Логос, 2003. 350 с.
3. Глушенко Е.А. Россия в Средней Азии. - М.: Центрполиграф, 2010. - 337.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - М.: Книга, 1991. 556.
5. Ильин В.В. Теория познания. - М.: Проспект, 2020. 160.
6. Интеллигенция в диалоге культур // РГГУ. Социологический факультет. Центр социологических исследований / Под общей редакцией Ж.Т. Тощенко. / Серия «Интеллигенция и современность». - М.: РГГУ, 2007. 510 с.
7. Караганов С. Россия vs Европа. Противостояние или союз? - М.: Астрель: Русь-Олимп, 2010. 384 с.
8. Леонтьев К. Поздняя осень России. - М.: Аграф, 2000. - 336.
9. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. - М.: Академия, 1999. - 640.
10. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. - М.: Новое издательство, 2004. 336.
11. Хоскинг Дж. Россия: народ и Империя. - Смоленск: Русич, 2000. 512.
12. Сулейманова Н.О. Измерение социокультурных ценностей в кыргызском обществе. / Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. №. 4. С. 132-134